

Манифест антиглобалиста

Фестиваль "Мариинский"

В Мариинском театре прошел Третий международный фестиваль балета "Мариинский". В сравнении с предыдущими двумя концепция не изменилась: главной приманкой являются иностранные солисты-гастролеры, выступающие в репертуарных спектаклях Мариинки вместе с петербургскими танцовщиками. Изменился уровень. Мариинка сумела на десять дней собрать настоящую балетную "команду мечты". Гости приехали из "Нью-Йорк Сити балле", парижской Гранд Опера, лондонского Королевского балета, отдельной строкой шел НДТ хореографа Иржи Килиана. Получился балетный аналог саммиту в Давосе. Для полноты сходства этому саммиту ведущих танцовщиков ведущих мировых балетных держав не хватало только каких-нибудь балетоманов-антиглобалистов, пикетирующих здание Мариинки. В самом деле: концепция фестиваля активно внедряет в сознание, что классические балетные труппы, разбросанные по миру, давно, сами собой, стихийно и негласно объединились в сеть наподобие Макдоналдса. Вместо непереносимых гамбургеров – "Лебединое озеро", вместо чизбургеров – "Спящая красавица", вместо жареной картофельной соломки – хореография Баланчина, молочным коктейлем идет, допустим, "Манон" Макмиллана. Классический балет, конечно, не так близок и доступен массам, как бигмак. Но поправка на элитарность ничего не меняет. Не Макдоналдс, так отели "Хилтон", но все равно – всемирная сеть. В какой бы точке мира ни зашел в этот отель, те же полотенца, занавески, махровые халаты, планировка номера. Идеология: куда бы ни поехал, ты везде дома, среди привычных знакомых вещей. В каком бы театре ни очутился, вот "Лебединое озеро", а вот Баланчин. Пригласив западных солистов, Мариинский театр рассчитывал, что они не будут испытывать никаких проблем с вниканием в местную ситуацию. Принимая приглашение, солисты, надо полагать, тоже на это рассчитывали. В этот момент и лопнул мыльный пузырь – весь этот миф о том, что балетная картина мира выровнялась, глобализовалась. Пузырь был красивым, большим и радужным. Но его совсем-совсем не жаль. Этюль парижской труппы Аньес Летесто на фестивале "Мариинский" последовательно провалила сначала русское гран па из "Пахиты", потом русское гран па из "Раймонды". Один из лучших в мире солистов-мужчин датчанин Йоханн Кобборг странно даже смотрелся в пастельной петербург-

Сцена из спектакля "Принцесса Пирлипат"

ской "Жизели", с крестьянской основательностью выписывая ногами аристократические прыжки графа Альберта. А волшебная солистка Нью-Йоркского балета Мария Ковровски крепко ударила по собственной репутации, выйдя Одеттой-Одиллией в русском "Лебедином озере". Но международного позора не случилось. Потому что та же Ковровски впечатляюще станцевала свои родные "Рубины" хореографа Баланчина. Кобборг блеснул в датском па де де из "Праздника цветов в Дженчанго" хореографа Бурнонвилля, ценящего в своих танцовщиках мужественную собранность и волевой посыл. И случись Летесто выйти в чем-нибудь специфически французском, результат был бы, не сомневайтесь, тот же. Потому что разные они. Кому велено чиркать – не мурлыкайте, кому велено мурлыкать – не чиркайте. Быть "универсалом" можно только в том случае, если танцевать все подряд и одинаково плохо. Фестиваль "Мариинский" пригласил профессионалов экстра-класса. И свой профессионализм они явили не

столько чистотой позиций, выворотностью стоп, упругостью прыжков (эти категории к тому же не для всех в зрительном зале очевидны), но именно тем, что показали, как одни вещи они умеют делать очень хорошо, а другие – плохо. Премьера была подготовлена только одна. Художник Михаил Шемякин страннейшим образом затесался на этот парад артистических самолюбий со своим спектаклем "Принцесса Пирлипат, или Наказанное благородство". Это не балет и даже не очень-то спектакль. Это просто плохая театральная продукция. Сляпанная и выброшенная на сцену. Композитор Сергей Слонимский подлил к композитору Петру Чайковскому минут пятьдесят всяческих шумов, а хореограф Кирилл Симонов подклеил к мешанине телодвижений своего прошлого "Щелкунчика" еще пару километров такой же мешанины. "Принцессу Пирлипат" давали в связке со "Щелкунчиком". Получилась история (сам "Щелкунчик") с приквелом. Или история ("Принцесса Пирлипат") с сиквелом. В целом по Гофману, но выгля-

дит так же нелепо, как если бы под музыку Сергея Слонимского театру кинуло в голову объяснить публике, каким образом до начала "Лебединого озера" Одетта превратилась в птицу. На совесть поработал только сам Шемякин. Нарисовал чугунную ограду королевского парка, уставленную гигантскими яйцами Фаберже, величавые галереи тухло-желтого цвета, прогрызенные крысами в королевских сырах. Напустил полную всяческих грызунов, котов, людей-уродцев, подробно одетых, заботливо закрытых масками и париками. Это как отчетно-юбилейная выставка хрестоматийного Шемякина, скажем, в петербургском Манеже, но только не ты ходишь среди экспонатов, а они сами перед тобой прыгают, крутятся, мельтешат. И главный недостаток "Принцессы Пирлипат" не в том, что это взбитая пена, а в том, что эту пену молги взбить где угодно, в любом балетном Макдоналдсе.

Яна ЮРЬЕВА
Фото Натальи РАЗИНОЙ
Санкт-Петербург

Культура. - 2008 - 6-12 марта. - с. 7